

24 ОКТ 1976

КУРЬЕР 9 МУЗ

Неповторимая Эдит Пиаф... Ее любили и не могли представить Францию без ее голоса. В мире не исчезает ничего. Но этой жесткой формуле, увы, не подчиняется человеческий голос. И, казалось, произошло чудо, когда голос Эдит Пиаф словно возник вновь в девочке из Авиньона. Критика восторженно узнавала: вот та же боль, та же страсть, и это завораживающее грассирующее «р»... И был взволнован Париж, когда Мирей в черном, как у Пиаф, платье исполнила песни умершей — не угасшей — «звезды».

ВСТРЕЧА
ДЛЯ ВАС

МИРЕЙ МАТЬЕ

— Вы считаете себя последовательницей Эдит Пиаф?

— Пиаф недостижима. А я просто Мирей Матье.

И все же голос Пиаф, как красная нитка в холст, вплетается в судьбу Матье с детства. Ей было восемь, когда она услышала его впервые. И была очарована навсегда. Мадам Матье как раз сидела за швейной машинкой. Девочка забралась на колени: «Мама, когда я вырасту, я тоже стану петь». Отец только грустно покачал головой. А маленькая Мирей, едва заслышав Пиаф по радиоприемнику, прикивала и слушала, пробуя подпевать.

— Чего Вы больше всего на свете желаете сейчас, на вершине славы?

— Мне хочется верить, что я не на вершине. Я боюсь вершин. Мне кажется, что во мне, тут, — и она прижимает легкие ладони к груди, — есть много того, что я еще не спела. Не успела или не смогла. Поэтому хочу одного — петь. Чтобы хватило здоровья и сил — петь. Чтобы голос меня не покинул. Желание петь — как жажда.

Взлет ее напомнил сказку о Золушке. Но Золушке для счастья всего-то и нужно было, что быть доброй и красивой. Петь же надо было учиться.

— Когда я родилась, мы жили в крохотной комнатке барака. Отец работал каменотесом. Он делал надгробия. Конечно, на этом не разбогатеешь, особенно если у тебя большая семья. Мама после меня родила еще тринадцать детей. Я была старшей. Помогала ей как могла: бегала за покупками, мыла посуду, стелила кровати, стирала, возилась с малышами. В школе, скажу прямо, не блистала — наверное, из-за этой беготни и суеты. А когда закончила начальную школу, я надела свое лучшее платье, и отец, взяв меня за руку, повел на бумажную фабрику. Меня зачислили в подсобные работницы. Четыре года я стояла у машины, делавшей конверты.

Говорят, что поклонники Матье сейчас разыскивают по всей Франции конверты, которые когда-то клеила она.

— Исполнилось ли то, о чем Вы, Мирей, мечтали в шестнадцать?

— Когда я пела в церкви, на свадьбах, благотворительных вечерах и дома — для своих маленьких братьев и сестер, я представляла себя знаменитой певицей. Но я была уверена, что моя мечта не сбудется никогда, и плакала от этого по ночам. Мы жили на юге Франции. А чтобы учиться петь, нужно было ехать в Париж. Нужны были деньги...

В семнадцать лет Мирей разрешили участвовать в конкурсе самодеятельных певцов в Авиньоне. Но когда она ступила на сцену и увидела публику, она едва не убежала с эстрады. Пела плохо. Но на следующий день в дом Матье пожаловал Рауль Коломб, помощник мэра Авиньона. «У тебя удивительный голос, — сказал он девушке, — но его надо хорошо поставить». Каждый урок у профессора консерватории стоил семь франков, почти дневной заработок Мирей. Она отказывала себе во всем, но платила за уроки сама. Через два года первый приз Авиньона был вручен Мирей Матье. Она исполняла песню Эдит Пиаф «Жизнь в

розовом свете».

— Это было первой ступенькой к успеху?

— Нет. Первый приз в далекой от Парижа провинции мало что значил. По совету Рауля Коломба я записалась в кандидаты «Теле-диманш». Это популярная воскресная передача французского телевидения, в которой могут выступать начинающие. Через полгода пришла телеграмма: меня приглашали в Париж. О, я никогда не забуду дня, когда состоялись съемки. Это было 21 ноября 1965 года в студии номер 102.

— В тот день Вы пели в черном платье, на концерте в Большом театре тоже, сегодня — в черном костюме... Надо полагать этот цвет — дань памяти Эдит Пиаф?

— Это мой любимый цвет. И еще розовый и красный.

Когда она поет, она гордо вскидывает голову. В бокале ее голоса грассирующие «р» перекатываются, как стеклянные шарики. Когда голос ее, рванувшись из случайного транзистора, кружит по снежным переулкам Москвы, в метели чудится Франция.

— Почему Вы для своих альбомов чаще всего выбираете песни о любви?

— Любовь растворена в мире. Но она беззвучна. В те моменты, когда я пою песни о любви, я самой себе кажусь ее голосом. Я переживаю сюжет каждой песни вновь и вновь. Будто я сама люблю и очаровываюсь, будто я сама терплю крушение. И не было минуты, когда мне не казалось, что пою про себя. Я люблю эти песни.

Но вот она поет «Марсельезу», и зал, не выдержав студийной тишины — идет прямая передача в эфир, — начинает подпевать.

— Вы следуете моде в своих песнях?

— Мне нравится популярная музыка. Мода не миновала меня. Правда, так и не затронула сути. В шоу-программах я исполняю некоторые модные песенки. Но на пластинках их не записывала никогда. Исключение лишь пластинка фирмы «Айола». Там я пою в стиле «бит».

— Вы побывали не в одном десятке стран. Сколько же языков Вы знаете?

— Пою, понимаю и говорю, но нельзя сказать, что действительно знаю английский, испанский, немецкий, итальянский, японский.

— А русский?

— Увы, пока знаю только одно слово «спасибо». Но собираюсь выучить его перед своими гастрольями в СССР.

— А когда Вы планируете гастроли?

— В апреле. Города пока еще не обговорены.

В Сен-Морисе десять лет назад она спела песенку «Мое кредо». Зал встал, аплодируя «певческому чуду из Авиньона». А Морис Шевалье пророчески заявил: «Она станет самой знаменитой эстрадной певицей Франции».

Пророчество сбылось. Вернее, сбился талант. Сегодня ее голос знает весь мир.

Она пела в Большом театре в концерте, который транслировался во Францию. «Надеюсь, мама видела эту передачу...» Среди других она спела песню Эдит Пиаф «Жизнь в розовом свете», первую свою песню.

Г. АЛИМОВА,

М. ХРОМАКОВ.

Фото А. ЛЕВИНА.